

Страданіе святыхъ 40 мучениковъ Севастійскихъ

Святитель Василій Великій

Житіе переиздано царской орѳографіей для официальной страницы
Свято-Николаевскаго и Свято-Георгіевскаго Храмовъ
Кубанскаго Казачьяго Войска за Рубежомъ
www.stnicholasredbank.com
отъ страницы pravoslavie.ru

Издательство Преп. Сергія Радонежскаго
При Свято-Николаевскомъ Храмѣ
Красноберегово, Нью-Джерси, США

2009

Вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ.

Ин. 11:25

Въ 313 году Святой Константинъ Великій издалъ указъ, согласно которому христіанамъ разрѣшалась свобода вѣроисповѣданія и они уравнивались въ правахъ съ язычниками. Но его соправитель Ликиній былъ убѣжденнымъ язычникомъ и въ своей части имперіи рѣшилъ искоренить христіанство, которое значительно распространилось тамъ. Ликиній готовился къ войнѣ противъ Константина и, боясь измѣны, рѣшилъ очистить отъ христіанъ свое войско.

Въ то время въ одномъ армянскомъ городѣ Севастіи однимъ изъ военачальниковъ былъ Агриколай, ревностный сторонникъ язычества. Подъ его началомъ была дружина изъ сорока каппадокійцевъ, храбрыхъ воиновъ, которые вышли побѣдителями изъ многихъ сраженій. Всѣ они были христіанами. Когда воины отказались принести жертву языческимъ богамъ, Агриколай заключилъ ихъ въ темницу. Войны предались усердной молитвѣ и однажды ночью услышали гласъ: „Претерпѣвшій до конца, тотъ спасенъ будетъ“.

На слѣдующее утро воиновъ вновь привели къ Агриколаю. На этотъ разъ язычникъ пустилъ въ ходъ лестъ. Онъ сталъ восхвалять ихъ мужество, молодость и силу и снова предложилъ имъ отречься отъ Христа и тѣмъ снискать себѣ честь и расположеніе самого императора. Снова услышавъ отказъ, Агриколай велѣлъ заковать воиновъ. Однако старшій изъ нихъ, Киріонъ, сказалъ: „Императоръ не давалъ тебѣ права налагать на насъ оковы“. Агриколай смутился и приказалъ отвести воиновъ въ темницу безъ оковъ.

Черезъ семь дней въ Севастію прибылъ знатный сановникъ Лисій и устроилъ судъ надъ воинами. Святые твердо отвѣчали: „Возьми не только наше воинское званіе, но и жизни наши, для насъ нѣтъ ничего дороже Христа Бога“. Тогда Лисій велѣлъ побить мучениковъ камнями. Но камни летѣли мимо цѣли; камень, брошенный Лисіемъ попалъ въ лицо Агриколаю. Мучители поняли, что Святыхъ ограждаетъ какая-то невидимая сила. Въ темницѣ воины провели ночь въ молитвѣ и снова услышали утѣшающій ихъ голосъ Господа: „Вѣрующій въ Меня, если и умретъ, оживетъ. Дерзайте и не страшитесь, ибо воспріимете вѣнцы нетлѣнные“.

На слѣдующій день судъ и допросъ передъ мучителемъ повторился, войны же остались непреклонны.

Стояла зима, былъ сильный морозъ. Святыхъ воиновъ раздѣли, повели къ озеру, находившемуся недалеко отъ города, и поставили подъ стражей на льду на всю ночь. Чтобы сломить волю мучениковъ, неподалеку на берегу растопили баню. Въ первомъ часу ночи, когда холодъ сталъ нестерпимымъ, одинъ изъ воиновъ не выдержалъ и бросился ѣ гомъ къ банѣ, но едва онъ переступилъ порогъ, какъ упалъ замертво. Въ третьемъ часу ночи Господь послалъ отраду мученикамъ: неожиданно стало свѣтло, ледъ растаялъ, и вода въ озерѣ стала

теплой. Все стражники спали, бодрствовалъ только одинъ по имени Аглай. Взглянувъ на озеро онъ увидѣлъ, что надъ головой каждого мученика появился свѣтлый вѣнецъ. Аглай насчиталъ тридцать девять вѣнцовъ и понялъ, что бѣжавшій воинъ лишился своего вѣнца. Тогда Аглай разбудилъ остальныхъ стражниковъ, сбросилъ съ себя одежду и сказалъ имъ: „И я – христіанинъ!“ – и присоединился къ мученикамъ. Стоя въ водѣ онъ молился: „Господи Боже, я вѣрую въ Тебя, въ Котораго эти воины вѣруютъ. Присоедини меня къ нимъ, да сподоблюсь пострадать съ Твоими рабами“.

Наутро истязатели съ удивленіемъ увидѣли, что мученики живы, а ихъ стражникъ Аглай вмѣстѣ съ ними прославляетъ Христа. Тогда воиновъ вывели изъ воды и перебили имъ голени. Во время этой мучительной казни мать самаго юнаго изъ воиновъ, Мелитона, убѣждала сына не страшиться и претерпѣть все до конца. Тѣла мучениковъ положили на колесницы и повезли на сожженіе. Юный Мелитонъ еще дышалъ, и его оставили лежать на землѣ. Тогда мать подняла сына и на своихъ плечахъ понесла его вслѣдъ за колесницей. Когда Мелитонъ испустилъ послѣдній вздохъ, мать положила его на колесницу рядомъ съ тѣлами его святыхъ сподвижниковъ. Тѣла святыхъ были сожжены на кострѣ, а обуглившіяся кости брошены въ воду, чтобы христіане не собрали ихъ.

Спустя три дня мученики явились во снѣ блаженному Петру, епископу Севастійскому, и повеѣ ли ему предать погребенію ихъ останки. Епископъ съ нѣсколькими клириками ночью собралъ останки славныхъ мучениковъ и съ честью похоронилъ ихъ.

„Настольная книга священнослужителя“, т. 3

Тропарь Севастійскимъ мученикамъ

Страстоносцы всечестніи, воины Христовы четыредесяте, твердіи оружицы: сквозѣ бо огонь и воду проидосте, и Ангеломъ сограждане бысте. Съ ними же молитесь Христу о иже вѣрою хвалящихъ васъ: слава Давшему вамъ крѣпость, слава Вѣнчавшему васъ, слава Подававшему вами всѣмъ исцѣленія.

О святыхъ Севастійскихъ мученикахъ

Любителю мучениковъ наскучитъ ли когда творить память мучениковъ? Честь, воздаваемая добрымъ изъ нашихъ сослужебниковъ, есть доказательство нашего благорасположенія къ общему Владыкѣ. Ибо несомнѣнно, что восхваляющій мужей доблестныхъ не преминетъ и самъ подражать имъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Искренно ублажай претерпѣвшаго мученіе, чтобъ и тебѣ содѣлаться мученикомъ въ произволеніи, и безъ гоненія, безъ огня, безъ бичей оказаться удостоеннымъ одинаковыхъ съ нимъ наградъ. А намъ открывается случай подвизаться не одному мученику, и не двумъ только мученикамъ, даже не десятью ограничивается число ублажаемыхъ: но сорокъ мужей, у которыхъ въ

раздѣльныхъ тѣлахъ была какъ бы одна душа, въ согласіи и единомысліи вѣры показали одинаковое терпѣніе въ мученіяхъ, одинаковую стойкость за истину. Всѣ подобны одинъ другому, всѣ равны духомъ, равны подвигомъ; посему и удостоены равночесныхъ вѣнцовъ славы.

Что же дѣлалъ преобладавшій тогда? Онъ былъ искусень и обилень въ средствахъ, то обольщать ласками, то совращать угрозами. И ихъ сперва хотѣлъ очаровать ласками, пытаясь ослабить въ нихъ силу благочестія. Онъ говорилъ: „Не выдавайте своей юности; не промѣнивайте этой сладостной жизни на безвременную смерть. Привыкшимъ отличатся доблестью въ браняхъ не прилично умереть смертію злодѣевъ“. Сверхъ сего обѣщаль имъ деньги. И это давалъ имъ, и почести у царя, и ода рилъ чинми, и хотѣлъ одолѣть тысячами выдумокъ. Поелику же они неподдались такому искушенію, обратился къ другому роду ухищреній: стращаль ихъ побоями, смертями, изведаніемъ несноснѣйшихъ мученій.

Такъ дѣйствоваль онъ! Что же мученики? Говорятъ: „Для чего, богопротивникъ, уловляешь насъ, предлагая намъ эти блага, чтобъ отпали мы отъ живого Бога и поработились погибельнымъ демонамъ? Для чего столько даешь, сколько стараешься отнять? Ненавижу даръ, который влечетъ за собою вредъ; не принимаю чести, которая бываетъ матерью безчестія. Даешь деньги, но онѣ здѣсь остаются. Дѣлаешь извѣстнымъ царю, но отчуждаешь отъ Царя истиннаго. Что такъ скупю и такъ не много предлагаешь намъ изъ мірскаго? Нами презрѣнъ и цѣлый міръ. Съ вождѣннымъ для насъ упованіемъ нейдетъ и въ сравненіе видимое. Видишь это небо: какъ прекрасно смотрѣть на него, какъ оно величественно! Видишь землю: какъ она пространна и какія на ней чудеса! Ничто изъ этого не равняется блаженству праведныхъ. Ибо это преходитъ, а наши блага пребываютъ. Желая одного дара – вѣнца правды; стремлюсь къ одной славѣ – къ славѣ въ Царствѣ Небесномъ. Ревную о почести горней: боюсь мученія, но мученія въ гееѣ. Тотъ огонь мнѣ страшенъ, а этотъ, которымъ вы угрожаете, мнѣ сослужебенъ. Онъ умѣетъ уважать тѣхъ, которые уважаютъ идоловъ. Стрѣлы младенецъ, какъ разсуждаю, язвы ваши (Пс. 63:8), потому что поражаешь ты тѣло, а оно, если долго выдерживаетъ удары, свѣтлѣе вѣнчается, а если скоро изнемогаетъ, избавится отъ такихъ судей-притѣснителей, которые, взявъ въ услуженіе себѣ тѣло, усиливаются возобладать надъ душою, которые, если не будете предпочтены Богу нашему, какъ будто претерпѣвъ отъ насъ крайнюю обиду, раздражаются и грозитесь этими страшными мученіями, ставя намъ въ вину благочестіе. Но не найдете насъ ни робкими, ни привязанными къ жизни, ни легко приводимыми въ ужасъ, и это потому, что любимъ Бога. Мы умѣемъ терпѣть, когда колесуютъ, вывертываютъ члены, жгутъ на огнѣ; мы готовы принять всякій родъ истязаній“.

Когда выслушалъ сіе это челоуѣкъ гордый и безчелоуѣчный: не терпя дерзновенія сихъ мужей и вскипѣвъ яростію, сталъ разсуждать самъ съ собою, какой бы найди ему способъ, чтобъ приготовить имъ смерть и продолжительную и вмѣстѣ горькую. Нашелъ наконецъ, и смотрите, какъ жестока его выдумка! Обративъ вниманіе на свойство страны, что она холодна, на время года, что оно зимнее, замѣтивъ ночь, въ которую стужа простиралась до наибольшей степени, а притомъ дулъ еще и сѣверный вѣтеръ, далъ онъ приказаніе, всѣхъ ихъ обнаживъ, уморить на открытомъ воздухѣ, заморозивъ среди города.

Выслушавъ тогда это повелѣніе (разсуждай по этому о непобѣдимомъ мужествѣ мучениковъ), каждый съ радостію сбросилъ съ себя послѣдній хитонъ, и всѣ потекли на встрѣчу смерти, какою грозила стужа, поощряя другъ друга, какъ бы шли къ расхищенію добычи. „Не одежду скидаемъ съ себя, – говорили они, – но отлагаемъ ветхаго челоуѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ (Еф. 4:22). Благодаримъ Тебя, Господи, что съ этою одеждою свергаемъ съ себя грѣхъ; чрезъ змія мы облеклись, чрезъ Христа совлечемся. Не будемъ держаться одеждъ ради рая, который потеряли. Тяжко ли для раба потерпѣть, что терпѣль и Владыка? Лучше же сказать, и съ самого Господа мы совлекли одежды. Это была дерзость воиновъ; они совлекли и раздѣлили по себѣ Его одежды. Поэтому загладимъ собою на насъ написанное обвиненіе. Жестока зима, но сладокъ рай; мучительно замерзнуть, но пріятно упокоеніе. Не долго потерпимъ, и насъ согрѣтъ Патріархово лоно. За одну ночь вмѣняемъ себѣ цѣлый вѣкъ. Пусть опалается нога, только бы непрестанно, ликовать съ Ангелами! Пусть отпадаетъ рука, только бы имѣть дерзновеніе воздѣвать ее ко Владыкѣ! Сколько нашихъ воиновъ пало въ строю, сохраняя вѣрность царю тлѣнному? Ужели мы не пожертвуемъ своею жизнію изъ вѣрности Царю истинному? Сколько челоуѣкъ, уличенныхъ въ преступленіи, подверглись смерти злодѣевъ? Ужели мы не вынесемъ смерти за правду? Не уклонимся товарищи, не обратимъ хребта діаволу. Есть у насъ плоть, не пощадимъ ее. Поелику непремѣнно должно умереть, то умремъ, чтобъ жить. Да будетъ жертва наша предъ Тобою, Господи (Дан. 3:40). Какъ жертва живая, благоугодная Тебѣ, да будемъ приняты мы, всежигаемые симъ хладомъ, – мы, приношеніе прекрасное, всежженіе новое, всеплодствуемое не огнемъ, но хладомъ“.

Когда же мученики подвизались, а стражъ наблюдалъ, что произойдетъ: видитъ онъ необычайное зрѣлище, видитъ, что какія-то силы сходятъ съ небесъ, и какъ бы раздають воинамъ великіе дары отъ Царя. И всѣмъ прочимъ раздѣлили они дары; одного только оставили они не награжденнымъ, признавъ его недостойнымъ Небесныхъ почестей; и это былъ тотъ, который, вскорѣ отказавшись отъ страданій, перешелъ къ противникамъ. Жалкое зрѣлище для праведныхъ! Воинъ-бѣглець, первый изъ храбрыхъ – плѣнникъ, овца Христова – добыча звѣрей. Но еще болѣе было жалко, что онъ вѣчной жизни не достигъ, и не

насладился настоящею; потому что плоть тотъ часъ у него разсыпалась отъ дѣйствія на нее теплоты. Но какъ этотъ животолюбецъ палъ, безъ всякой для себя пользы для себя преступивъ законъ: такъ исполнитель казни, едва увидѣлъ, что онъ уклонился и пошелъ къ банѣ, самъ сталъ на мѣсто бѣглеца, и сбросивъ съ себя одежды, присоединился къ обнаженнымъ, взывая въ одинъ голосъ со святыми: Я христіанинъ! И внезапностію перемѣны изумивъ предстоящихъ, какъ число собою восполнилъ, такъ и своимъ присоединеніемъ облегчилъ скорбь объ ослабѣвшемъ, поступивъ по примѣру стоящихъ въ строю, которые, какъ скоро падетъ кто въ первомъ ряду, тотчасъ замѣщаютъ его собою, чтобъ убитымъ не разрывался у нихъ рядъ. Подобно этому поступилъ и сей. Видѣлъ онъ Небесныя чудеса, позналъ истину, притекъ ко Владыкѣ, сталъ сопричисленъ къ мученикамъ! Иуда пошелъ прочь, а на мѣсто его введенъ Матѳій! Подражателемъ сталъ Павловымъ вчерашній гонитель, а нынѣ благовѣствующій. И онъ имѣлъ званіе свѣще не отъ человѣкъ, ни человѣкомъ (Гал. 1:1). Увѣровалъ во имя Господа нашего Иисуса Христа, крещенъ въ Него не другимъ кѣмъ, но собственною вѣрою, не въ водѣ, но въ крови своей.

Прошенія ваши будутъ приличны мученикамъ. Юноши да подражаютъ имъ, какъ сверстникамъ; отцы да молятся о томъ, чтобъ быть родителями подобныхъ дѣтей; матери да изучаютъ повѣствуемое о доброй матери. Ибо мать одного изъ сихъ блаженныхъ, увидѣвъ, что другіе уже скончались отъ хлада, а сынъ ея по крѣпости силъ и терпѣливости въ мученіяхъ, еще дышитъ, когда исполнители казни оставили его въ надеждѣ, что перемѣнится, сама, взявъ собственными своими руками, положила его на колесницу, на которой везли прочихъ къ костру. Вотъ въ подлинномъ смыслѣ мать мученика! Она не пролила слезы малодушія, не произнесла ничего низкаго и недостойнаго по времени; но говоритъ: „Иди, сынъ, въ добрый путь со сверстниками и съ товарищами; не отставай отъ сего лика; не позже другихъ явись ко Владыкѣ“. Вотъ подлинно добраго корня добрая отрасль! Доблестная мать показала, что питала его болѣе догматами благочестія, нежели млеко. Такъ былъ онъ воспитанъ, такъ предпосланъ благочестивою матерью! А діаволь остается посрамленным: потому что, возставивъ на мучениковъ всю тварь, увидѣлъ, что все побѣждено доблестію ихъ, – и вѣтреная ночь, и холодъ страны, и время года, и обнаженіе тѣлъ.

Святыи ликъ! Священная дружина! Непоколебимый полкъ! Общіе хранители человѣческаго рода! Добрые сообщники въ заботахъ, споспѣшники въ молитвѣ, самые сильные ходатаи, свѣтила вселенной, цвѣтъ церквей! Васъ не земля сокрыла, но пріяло Небо; вамъ отверзлись врата рая. Зрѣлище достойное Ангельскаго воинства, достойное патріарховъ, пророковъ, праведниковъ; мужи въ самомъ цвѣтѣ юности презрѣвшіе жизнь, паче родителей, паче дѣтей возлюбившіе Господа! Находясь въ возрастѣ наиболѣе полномъ жизни, вмѣнили они ни во что временную жизнь, чтобы прославить Бога въ членахъ своихъ: ставъ позоромъ

міру, Ангеломъ и человѣкомъ (1 Кор. 11:9), возставили падшихъ, утвердили колеблющихся, усугубили ревность въ благочестивыхъ. Всѣ, воздвигнувъ одинъ побѣдный памятникъ за благочестіе, украсились однимъ вѣнцомъ правды, о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ!

Аминь.

Святитель Василій Великій